

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИМВОЛИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФИННО-УГОРСКИХ РЕСПУБЛИК

О. Ю. КУЗИВАНОВА,

*кандидат исторических наук, доцент ГАОУ ВПО «Коми республиканская академия государственной службы и управления»
(г. Сыктывкар, РФ)*

Рассматриваются этнокультурные символы в политическом пространстве финно-угорских республик, их роль и значение для разных политических субъектов. Показано особое значение этнополитической символики для этничности.

• *финно-угорские республики; этнокультурные символы; символические ресурсы этничности*

Этнотерриториальный компонент российского федерализма породил практику этносимволического сопровождения национальной государственности, что выражается в использовании этнических символов культур титульных народов в политической сфере. Этнический символ всегда сопряжен с эмоциональным восприятием, сложный объект внешнего мира представляется в нем сжато и образно, вызывая мгновенную эмоциональную реакцию. Объединяя различные планы реальности в единое целое, он создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу.

Символический универсум упорядочивает историю тем, что связывает коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому создается «память, объединяющая всех тех, кто социализирован в данной общности. По отношению к будущему создается общая система отсчета для того, чтобы индивид мог планировать свои действия» [1, 168]. Поскольку символ имеет способность влиять непосредственно на восприятие индивида, символизм является инструментом политических элит. «Преобразуясь до неузнаваемости» в этом влиянии (П. Бурдьё), он создает поле коммуникации и легитимации господства.

Учитывая сложное переплетение интересов различных субъектов в сфере политического взаимодействия, можно за-

ключить, что использование этносимволов неоднозначно по своей функциональной направленности и динамике проявления. Проследим особенности формирования этнической символики в политическом пространстве финно-угорских республик.

Этнокультурная символика вошла в политическое пространство финно-угорских народов в период образования автономий: в 20-х – начале 30-х годов XX столетия были образованы Марийская (1920) и Вотская (Удмуртская) автономные области, автономная область Коми (Зырян) (1921), Мордовская автономная область (1930). Уже тогда этноэлитами осознавалась важность статуса автономии, который выступал символом мощи титульного народа, его созидательной силы и способности к творению собственной жизни и судьбы. По мнению финского исследователя С. Лаллукки, образование национальных автономий на месте бывших губерний России впервые привело к появлению для многих народов, в том числе финно-угорских, «легитимных территориальных объектов идентификации», а их зарождающееся национальное чувство «получило определенные, хотя и ограниченные, институциональные выходы для самоутверждения» [7, 21].

Политические элиты финно-угорских автономий формировались в 1920-е гг. на этнополитической символике. Самоопределение, автономия стали теми символа-

ми, которые выделили и объединили часть коммунистов, советских работников, интеллигенции преимущественно из числа титульного населения в одну группу единомышленников. Название республики, территория и язык титульного народа становились важными политическими факторами. Самоутверждением в идентификации стало требование региональных элит включить в название автономии самоназвание народа. Например, благодаря настойчивости Вотского облисполкома в 1932 г. Вотская область была переименована в Удмуртскую [11, 104]. Из первоначального (по декрету ВЦИК от 22 августа 1921 г.) названия автономной области Коми (Зырян), осталось только самоназвание народа – коми.

В условиях массового строительства национально-государственных образований получение областного или республиканского статуса выглядело случайным, и на этом поле также развернулась борьба за символы. На протяжении всех 1920-х гг. руководители Коми АО настойчиво добивались от центра повышения статуса автономии с уровня автономной области до республики, протестовали против вхождения ее в Северный край с центром в Архангельске. Собственная концепция политической элиты в отношении развития автономии исчезла только вместе с усилением тенденции государственно-административного централизма, вхождением автономной области в состав Северного края и началом кампании против «буржуазного национализма». Известный исследователь истории образования государственности у восточнофинских народов К. И. Куликов считает, что настойчивость политической элиты Коми АО в повышении статуса автономии была уникальным явлением даже в сравнении с другими финно-угорскими регионами [6, 91]. Административно закрепленная территория для этнической элиты выступала как символический акт жизнеспособности этноса, его пассионарности, отличительности от губерний.

В целом создание национально-территориальных образований в 1920-е гг. удачно вписывалось в общий ход социалистического строительства, так как подъем национального самосознания народов

умело направлялся большевиками в определенное идеологическое русло. Кроме того, «символическая государственность» в составе РСФСР также легко могла быть разрушена, как и создана. Разгром финно-угорского «национализма» через фабрикации дела СОФИН, борьба с «буржуазным национализмом» в корне изменили идейно-политическую ориентацию национальных элит финно-угорских автономий. Пример с Карелией показывает легкость конструирования властью любых конфигураций из национально-административных образований. Так, Карельская трудовая коммуна, возникнув в 1920 г., в 1923 г. была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику; после появления «идеи захвата Финляндии и подчинения ее Карелии» [9, 95–96] получила название Карело-Финской Советской Социалистической Республики; в связи с тем что планы в отношении Карелии не были реализованы, в 1957 г. вновь была преобразована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Административно закрепленная территория для этнической элиты выступала как символический акт жизнеспособности этноса, его пассионарности, отличительности от губерний.

Потеря реальных смыслов этнических символов в национально-государственном строительстве автономий финно-угорских народов в 1930-х гг. привела к завершению «романтического» периода в их развитии, и хотя финно-угорские автономии были преобразованы в автономные республики – Мордовскую и Удмуртскую (1934), Коми и Марийскую (1936) АССР, – этническая символика превратилась в довесок к советским символам государственной власти. Этническая элита была вынуждена расстаться со своей прежней идентичностью, она влилась в региональную политическую элиту, которая уже не имела этнополитической отличительности на общем фоне советской и партийной номенклатуры в РСФСР.

Новую политическую актуальность символизм этничности приобрел в связи с процессом суверенизации национальных автономий в период распада Советского Союза. В финно-угорских республиках в конце 1980-х – начале 1990-х гг. возникли этнокультурные и этнополитические движения титульных народов. Цели национальных движений и региональных политических элит в этот период совпали: и те, и другие объективно были заинтересованы в повышении статуса автономии как субъекта Федерации. Благодаря совпадению политических интересов, например, в Республике Коми съезд коми народа получил политическую поддержку региональных властей, а республиканская политическая элита – символическое укрепление легитимности своих требований в отношениях с федеральной властью [5, 45–49].

Этнический символ всегда сопряжен с эмоциональным восприятием, сложный объект внешнего мира представляется в нем сжато и образно, вызывая мгновенную эмоциональную реакцию. Объединяя различные планы реальности в единое целое, он создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу.

Наряду с традиционно устоявшимися этническими символами, закрепленными, как правило, в гимне, изображении герба республики, в иной политической символике, в регионах с титульными восточно-финскими народами, появились новые символы – государственные языки этих народов. Соответствующие законы о языках были приняты в Республике Коми – «О государственных языках Республики Коми» (1992), Республике Марий Эл – «О языках в Республике Марий Эл» (1995), Республике Мордовия – «О государственных языках в Республике Мордовия» (1998), в Удмуртской Республике – «О государственных языках Удмуртской

Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» (2001). Принятие этих законов не было результатом исключительно борьбы национальных движений за данный статус языков титульных народов. Сами финно-угорские языки к этому времени давно являлись частью региональных субкультур и в качестве таковых лояльно воспринимались большинством нетитульного населения этих регионов. В дальнейшем, если и возникали конфликты по поводу двух государственных языков, то только в плане реального функционирования двуязычия в республиках, при этом, как правило, не подвергалась сомнению культурно-символическая роль языков.

Политические элиты стали использовать и другой этнокультурный багаж титульных народов в формировании региональной идентичности. В Мордовии, по мнению специалистов, этническая специфика республики постоянно производится при помощи новых культурных символов, «знаковых» мероприятий и изменения культурных кодов [2, 201]. Такими мероприятиями становятся фольклорные фестивали регионального, российского и международного уровней, национальные праздники, этнополитические съезды и конгрессы. В других финно-угорских регионах также идет работа по формированию внешнего имиджа, широко используется финно-угорская символика, создаются бренды, которые определяют специфику республик и тем самым привлекают в регион финансирование из государственных и негосударственных источников. Директор департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития РФ А. Журавский, посетивший с рабочим визитом Сыктывкар в июле 2010 г., заметил: «Я вижу, как регионы, где проживают российские финно-угры, конкурируют за различные крупные этнокультурные проекты» [4].

Включение этнических символов в политическое пространство республик для разных политических акторов имеет разное функциональное значение. Так,

политические региональные элиты вне зависимости от их этнической ориентированности вынуждены формировать имиджевый облик регионов для усиления региональной идентичности, укрепления в общественном сознании республиканского статуса, в целях повышения инвестиционной и туристической привлекательности региона и т. п. Все эти действия проявляются на фоне общей тенденции мира модернити (modernity). По мнению М. Вевьёрки, для мира модернити характерно изобретение культурных различий, так как мир модернизируется через производство таких различий, а этнический компонент является идеальным для их формирования. «Если культурная специфика развивается в самом сердце наиболее современных обществ, если она – решающий элемент жизни этих общностей, значит, распространение современности (modernity) не только не включает уничтожение культурных традиций, но подразумевает изобретение новых» [3, 18].

Этнокультурная политическая символика давно стала частью российского федерализма, лояльно воспринимается федеральными властями. Можно сказать, существует даже определенный социальный заказ со стороны федерального центра, заинтересованного в координируемом конструировании образа российского финно-угорского сообщества как части финно-угорского мира.

Для этнонациональных элит этнокультурные символы – это те ориентиры, от которых нельзя отступать в общественно-политической деятельности, поскольку они тесно связаны с этническим самосознанием, имеют глубокое этнопсихологическое содержание [8, 152]. Отступление от этнополитических символов грозит элитам политическим остракизмом со стороны мобилизованной этногруппы.

Особую роль этнокультурная символика в политическом пространстве регионов играет для этничности как социокультурного явления. В условиях недоминирования, численного меньшинства, статус титульных народов дает возможность

финно-угорским народам поддерживать традиционную культуру на государственном уровне, с помощью государственных средств. Не случайно в четырех финно-угорских республиках действуют министерства национальной политики (Министерство национальной политики Республики Коми, Министерство Республики Мордовия по национальной политике, Министерство национальной политики Удмуртской Республики, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл), а в Карелии образован Государственный комитет Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями. Региональные этнокультурные политики объективно способствуют поддержанию этнической идентичности. По мнению О. А. Богатовой и Е. И. Долгаевой, популяризация финно-угорской идентичности, включающая пропаганду принадлежности к семье народов с уникальными и разнообразными культурными достижениями, рассматривается как дополнительный символический ресурс повышения социальной значимости и престижа мордовской этничности [2, 208].

Новую политическую актуальность символизм этничности приобрел в связи с процессом суверенизации национальных автономий в период распада Советского Союза. В финно-угорских республиках в конце 1980-х – начале 1990-х гг. возникли этнокультурные и этнополитические движения титульных народов.

Многочисленные исследования подтверждают особую роль статуса национально-государственных образований для поддержания и укрепления этнической идентичности. По результатам социологического исследования, проведенного в рамках российско-финляндского проекта 2007 г., «значимой» и «очень значимой»

национальная принадлежность была для 67 % коми, 60 – мордвинов, 56 – удмуртов, 68 – мари, 75 % карелов на территории республик [12, 258], что является достаточно высоким показателем, учитывая сильные ассимиляционные процессы в среде этих народов.

Конечно, этническая культура, являясь стержневой для этнического самосознания, подвергается модернизационным процессам. Более того, существовать в современности она может только при условии изменения в соответствии с требованиями современности. Можно сказать, этничность вырабатывает определенную стратегию выживания в современности через интеграцию традиции и новации. По мнению Ю. В. Попкова, социокультурный неотрадиционализм выступает способом современного развития этнических культур в целом, условием благополучного развития отдельных народов в процессе усиливающихся межэтнических взаимодействий [10, 171].

Для этнонациональных элит этнокультурные символы – это те ориентиры, от которых нельзя отступать в общественно-политической деятельности, поскольку они тесно связаны с этническим самосознанием, имеют глубокое этнопсихологическое содержание.

Таким образом, этнокультурная символика в политическом пространстве финно-угорских автономий многофункциональна для социальной структуры, выполняет специфическую роль для разных политических акторов, в зависимости от их интересов и социальных позиций. Особое значение этнокультурное сопровождение региональных политических процессов приобретает для этничности, для которой эти процессы являются серьезным ресурсом сохранения и развития этнокультурных элементов в современности.

Поступила 15.08.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Богатова, О. А. Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений / О. А. Богатова, Е. И. Долгаева // Регионология. – 2011. – № 1. – С. 196–210.
3. Вевьерка, М. Формирование различий // Социс. – 2005. – № 8. – С. 13–24.
4. Журавский, А. Лидеры финно-угорских общественных организаций должны иметь внутреннее достоинство [Электронный ресурс] / А. Журавский (интервью). – Режим доступа : <http://www.komiinform.ru/services/interview/3069>. – Дата обращения: 20.06.2011.
5. Кузванова, О. Ю. Этнополитические и культурные ресурсы этничности (на примере коми народа) / О. Ю. Кузванова. – Сыктывкар : КРАГСиУ, 2011. – 183 с.
6. Куликов, К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. / К. И. Куликов. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1993. – 280 с.
7. Лаллука, С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы / С. Лаллука. – СПб. : Европейский Дом, 2010. – 334 с.
8. Налчаджян, А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – 380 с.
9. Пивоев, В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 109 с.
10. Попков, Ю. В. Социокультурный неотрадиционализм в этносоциальном развитии // IX Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. – Петрозаводск, 2011. – С. 171.
11. Смирнова, С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций / С. К. Смирнова. – Ижевск, 2002. – 558 с.
12. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / отв. ред А. К. Конюхов. – Сыктывкар, 2008. – 271 с.